

?

Погружение

Елена Стриж

18+

Елена Стриж
Погружение

Серия «Секс. Розовый бархат», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45038491

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93060-5

Аннотация

Книга рассказывает про спорные моменты в детстве, когда хочется понять, почему мальчик это мальчик, а в юности хочется уже пофлиртовать. Со временем правила игры меняется, интерес к поцелую, заглянуть, а что там за ширмой. Раскрывают свои секреты эротика и секс.

Содержание

Жена	4
Индейцы	17
Можно я тебя поцелую	28
Колпачок	37
Спор	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Стриж

Погружение

Жена

Рассказ из книги «Всему есть начало» глава 5

– Ты не забыла, что я твой муж?

– Что?! – возмутилась Лариса, и ее глаза округлились, словно она увидела летающую тарелку.

– Ты моя жена, – спокойно ответил молодой человек и чуть улыбнулся.

– Но?

Юля стояла в стороне и ничего не понимала. Бурная встреча двух старых друзей вдруг обернулась такой неожиданностью.

– Ты обещала быть моей, – продолжил юноша и подошел чуть ближе к Ларисе, а та от неожиданности сделала шаг назад.

– Но?

– Ты говорила, что будешь навеки моей. Ты моя жена, – еще раз сказал он.

– Но...

Детство – время экспериментов и игр. На даче все меняется, забываешь про город, про своих подружек, про свой дом и мир, в котором живешь. Тут все иное, новые друзья и новые тайны.

Лариса не любила возиться на грядках, да и зачем, если к утру сорняки опять вылезут. Поэтому мама отпускала ее играть, но настаивала, чтобы та обязательно приходила к обеду.

Наверное, так поступали все родители, иначе зачем лето, если не играть. Вот дети и собирались где-ни-будь стайкой и бегали от дома к дому, придумывая себе новые приключения.

– У тебя мама целуется с отцом? – спросила Галя.

– Ну да, бывает...

– А мои вот нет, – немного разочаровано ответила девочка.

– А ты может не видишь.

– Я все вижу, все знаю, они не целуются.

– А тебе то что от этого?

– Да так, просто странно. Вот у Генки отец вечно лезет к бабе Вере, поэтому у них куча детей, а Лешкина мама цепляется к отцу Славки, – девочка вздохнула, словно решала сложную задачу.

Лариса присела, свесила ноги с крыши и посмотрела вниз, где в загоне бегал кролик. Он что-то там рыл, прыгал, опять рыл и так весь день.

– Пойдем к Максиму, у него дедушка сделал небольшой домик для игр, обещал еще лестницу собрать и достроить чердачок.

– Там собака.

– Она же на цепи сидит.

– Все равно лает. А когда проходишь мимо, еще и рычит.

– Это ее работа – пугать всех.

Галя вздохнула, посмотрела на свою подружку, потом в сторону дома Макса и, кивнув, прыгнула на землю.

Домик действительно оказался потрясным. Два окошка, маленький столик, из ящика дедушка сделал скамейку, а на стену прикрепил старую полку, на которой Макс расставил кучу пустых баночек.

– Надо шторы, – сказала Галя.

– И коврик на ящик, а то занозы останутся.

– А еще бутылку с водой, у нас дома есть компот.

– А у нас мама купила булочки.

– Я принесу раскраски, фломастеры еще пишу.

– А у меня есть старый плед, все равно лежит на чердаке, – сказал Витя.

– Побежали, – тут же сказала Галя, и вся детвора разлетелась в разные стороны, словно воробьи.

К вечеру маленький домик уже сверкал и стал каким-то уютным. Девочки принесли цветы, подмели, даже вытерли пыль, а парни вбили гвозди и натянули веревки, чтобы можно было повесить шторы. Вместо входной двери повесили

плотную ткань, и теперь, если дул прохладный ветер, в домике все равно было тепло.

Второй этаж дедушка доколоти. Наверное, он вспомнил свое детство, вот и кряхтел, а парни ему помогали, пилили и колотили. На второй день ближе к вечеру даже покрасили стены и крышу.

– Красиво, – восторгаясь домиком, сказала Галя. Она поднялась по лестнице на второй этаж и сразу заявила. – Это моя комната.

– Э... – возмутился Генка. – Я тоже хочу туда.

– А я внизу, – заявила Лариса и тут же шмыгнула в дверной проем, в который с трудом можно было пролезть на четвереньках.

– Стой, я с тобой, – крикнул Максим.

– Не толкайся, – возмутилась Лариса, протискиваясь между ящиком и столиком.

– Во че я принес, – вверху что-то зашуршало.

– Что там у вас?

– Зефирки, идите к нам.

– Пошли в гости, – тут же заявила Лариса Максиму.

И уже через минуту, пыхтя вчетвером, они залезли в маленькую комнатку. Сладости быстро кончились, но тут же у Гали нашлась заправка: несколько мармеладок, покрытых прилипшими травинками.

– А давайте вы вверху, а мы внизу, – предложил Макс.

– Точно, в семью играть.

– Это как так? – поинтересовался Генка.

– Ну как у тебя дома, мама и папа...

– Скукота, – тут же высказал он свое мнение.

– Ниче ты не понимаешь, я научу тебя. Ну что, согласны? – дети переглянулись и все дружно закивали головами.

Что такое семья? У каждого было свое представление.

– На, подметай, – спустившись к себе, заявила Лариса Максиму.

– Почему я?

– Потому что я помою окна, смотри какие грязные.

– Дак тут же стекла нет.

– Не твоего ума дело. На, подметай и все.

Мальчик не стал спорить с девочкой, с ними вообще бесполезно спорить, легче все сделать, а после отдыхать.

– Ты что пыль поднимаешь? Тише мети, вот так, вот так, – она взяла у него маленькую метелку, что сделала из пучка травы, и показала как надо мести. – А потом принеси мне вон ту доску.

– Зачем?

– А я вот сюда положу, сандалии здесь оставим, а то смотри, песок в дом несем.

– Ладно, на тебе метлу, а я за доской.

– Вот лишь бы отлынивать, – запричитала Лариса, взяла пучок травы и стала дometать за Максимом.

Над головами скрипели доски. Галя тоже суетилась, Генка убежал, а после притащил небольшую подушку и розовый

коврик.

– Ух ты, – восхитилась Лариса, увидев, как у соседей стало уютно.

Они весь день только и делали, что убегали и что-то тащили в свой новый дом. Так появилась картина, которую Макс нашел на улице, а Генка откуда-то взял три кружки с отколотой эмалью. Но Галя их вымыла, и теперь можно было пить компот. Лариса нашла зеленую банку, налила воды и поставила в них цветы.

Дети радовались новой игре, иногда кричали друг на друга, смеялись, залезали в гости, уплетали все, что находили, и сытые расплзались по своим комнаткам.

– Здорово, – почти шепотом сказала Лариса, вытягиваясь во весь рост на полу.

– Подвинься, – сказал Максим и стал втискиваться между ней и ящиком, что служил стулом.

– У меня муж, – вдруг послышался сверху голос Гали.

– Кто? – поинтересовалась Лариса.

– Генка. Теперь он мой муж, а я его жена.

Лариса посмотрела на Максима, что лежал рядом, и пожала плечами.

– Значит, теперь ты мой муж?

– Вроде того, – обреченно согласился Максим и посмотрел в потолок.

– А что делать?

– Не знаю, – ответил мальчик и пожал плечами.

В комнатке повисла тишина. Вверху Генка шептался с Галей, та хихикала и что-то так же тихо отвечала своему мужу.

– Ты что молчишь? – не выдержав тишины, спросила Лариса.

– А что говорить?

– Не знаю, – она повернула голову, но с одной стороны были шершавые доски, а с другой стороны нос Максима. – Расскажи что-нибудь.

– Что?

– Не знаю, ну что-нибудь.

– Я не знаю, – как-то растеряно ответил мальчик.

– Ну что за муж, даже развлечь жену не можешь, – девочка повернулась к нему, дунула в лицо и тихо спросила. – А что у тебя мама с отцом делают?

– Мама на кухне, а после гладит и ворчит, еще стирает и убирает, а еще...

– Ясно, тоска. А что отец?

– То... в гараже, вечно ремонтирует машину и еще смотрит телек.

– Полный улет...

– А что твои делают?

– Да, наверное, то же что и твои. Правда папа еще целует маму, это когда они думают, что я их не вижу, – Лариса внимательно посмотрела на Максима, похлопала глазками и тихо сказала. – Поцелуй меня.

– Зачем?

– Я так хочу.

– Ну ладно, – немного недовольно ответил мальчик, запыхтел, сел и, нагнувшись, пристально посмотрел девочке в глаза.

– Не томи, – возмутилась Лариса.

Максим еще ниже нагнулся и коснулся губами ее губ и замер. Девочка сперва закрыла глаза, а после заморгала от удивления. Что она хотела почувствовать? Наверное, и сама не знала, просто решила скопировать то, что делают родители. Юноша, не отрывая губ, пристально смотрел на нее.

– Все, хватит, – прошипела Лариса и чуть оттолкнула мальчика от себя.

– Ну как? – поинтересовался он.

– Тебе надо тренироваться. С Баськой (кот Ларисы) и то приятней целоваться. Ты что, этого не делал?

– Нет, – честно признался мальчик. – А ты?

– И я, – как-то грустно ответила она.

Так дети еще несколько дней прибегали в свой домик, шли купаться на карьеры, загорали и возвращались обратно. В среду утром Галя с мамой уехали в город, у нее заболел зуб, и та проплакала всю ночь. Генка с бабушкой уехали за припасами, но обещали вернуться к пятнице.

– И что нам делать? – как-то обреченно спросил Максим Ларису, а та, залезая в свой домик, только пожала плечами.

Вчера был ливень, а с утра солнце так палило, что даже карьер не радовал.

– Хочешь грушу? – спросил Максим и достал из своего пакета еще два яблока и половину сладкого батона.

– Ага, – только и ответила его жена, и сразу начала грызть грушу.

Они лежали на полу и смотрели на потолок, по которому бегал какой-то жучок. Тот бежал вправо, но, добравшись до стенки, возвращался, делал круг и снова убегал, только уже в другую сторону. «О чем они думают? – рассуждала девочка. – Вот бегают туда-сюда, а ведь у них жизнь такая короткая, слопают паук, и все...»

– Поцелуй меня, – вдруг неожиданно сказала Лариса.

Максим зачавкал, стараясь быстрее проглотить то, что жевал, вытер губы рукой и, посмотрев на девочку, нагнул. Но и в этот раз поцелуй был такой, словно к ней прикоснулось бревно. Но Лариса была готова и уже не тарасилась на него, а просто закрыла глаза. Максим некоторое время висел над ней, губы чуть задрожали.

– Ты че? – возмутилась девочка.

– Да нет, ты такая...

– Какая еще? – она думала, возмутиться или обидеться.

– Я даже не знаю. Наверное, красивая.

– А... – она впервые услышала. Ей говорили, что красивая, но что бы мальчишка, нет, это первый раз. Лариса почувствовала, что даже чуточку покраснела. – Ладно, тогда еще раз поцелуй.

Ей хотелось понять, почему взрослые это делают, ведь она

это видела своими глазами, а еще много раз в кино. Но поцелуй Максима ничего нового не принес, какое-то странное прикосновение и не более того.

– Ты моя жена?

– Ну... – протянула девочка.

– А я твой муж?

– Вот новость.

– А у меня мама, когда ложится, раздевается.

– Что, совсем?

– Да, правда не всегда. Но я видел.

– А отец?

– Наверное тоже, не видел, – честно признался мальчик.

Они лежали и смотрели на потолок, сквозь щели стал проникать свет.

– Красиво. Вот смотри, это пятно похоже на рыжего кота.

– Ага, а вот этот на колесо.

– Смотри, – девочка показала пальцем на луч света, что упал на банку, и на стене отразилось целое море. – Ладно, – сказала Лариса, села и шустро стянула с себя футболку, аккуратно свернула ее. Так же шустро стянула с себя шорты вместе с трусиками. – Твоя очередь.

Мальчик сел и удивленно захлопал глазами. Он смотрел на девочку как на что-то иное, не из этого мира.

– Ну что уставился? Раздевайся, – и не дожидаясь его, она легла обратно на пол.

Максим запыхтел, несколько раз чихнул, в воздухе появи-

лась пыль, в которой лучи света прочертили свои дорожки. Через минуту наконец и он лег рядом. Они лежали и молчали. Было слышно, как где-то работает насос, что качает воду из колодца, где-то мяукала кошка, птицы поют, и совсем рядом чирикал воробей.

– Здорово, – наконец сказал мальчик и повернул голову в сторону Ларисы. Добавил. – Круто.

– Ага, – только и ответила она и уже от удовольствия закрыла глаза.

Мир никуда не пропал, она была все в том же домике со своим нарочным мужем, а он уселся рядом и рассматривал ее тело. Обычно девчонки визжат, если за ними подсматривают мальчишки, они всего лишь подражают взрослым. Но сейчас почему-то Ларисе было приятно, когда на нее смотрел Максим. Она не могла объяснить почему, но приятно.

– Ты что делаешь? – как бы проснулась она от своих мечтаний.

Мальчик, кряхтя, лег на нее и, улыбнувшись, серьезно сказал:

– Так делают взрослые, – чуть приподнявшись на руках, гордо посмотрел на лежащую под ним девочку.

– Ты тяжелый, тебе это разве не говорили.

Лариса скорчилась, уперлась руками Максиму в грудь и чуть приподняла его.

– Фух, – с облегчением вдохнула она. – Ну и тяжелый же ты. Все, полегал и хватит, я так больше не могу.

– Потом еще? – спросил он ее.

– Да-да, потом, – еле произнесла она, и когда он скатился с нее, Лариса с облегчением задышала. – Тебе надо худеть.

– Ты моя жена?

– Да, наверное, – немного неуверенно ответила девочка.

– Значит я твой муж?

– Вот заладил, – она посмотрела на букашку, что продолжала бегать по потолку. – А давай поклянемся. Вот есть же лебеди, мама говорит, что они неразлучники, если полюбили друг друга, то навсегда. Ты мой муж, а я твоя жена.

– Навеки? – спросил мальчик и так же как она посмотрел на букашку.

– Да, навеки.

– Клянусь, – тут же заявил он.

– Клянусь, – повторила она.

– Макс, это ведь была детская шутка, – сказала девушка и, улыбнувшись своей подружке, добавила. – Дали клятву, что будем вместе. Он жених...

– Муж, – пояснил юноша.

– Ну да, вот так как-то, а я вроде того...

– Жена, – опять пояснил молодой человек.

– А... – протянула Юля и внимательно посмотрела на псевдомужа.

– Привет, – он кивнул, и Юля тоже в ответ кивнула. – Я, в общем, того, под Новый год женился...

– Козел, – шутя выругалась Лариса. – А ведь обещал быть моим. А впрочем, ну и ладно, я тоже выхожу замуж, вот и свидетельница, – она кивнула в сторону Юли. – Не смотри на нее так, она замужем...

– Да я так, просто...

– Знаю я тебя просто. Слушай, а ты целоваться научил-ся? – тихо спросила Лариса юношу.

– Хочешь проверить?

– Да нет, поверю на слово, – и ее лицо засияло какой-то странной радостью.

Детство – время игр и безобидных экспериментов, познаний и открытий. Девушки улыбнулись друг другу, взялись под ручку и, смеясь, пошли дальше гулять по городу.

Индейцы

Рассказ из книги «Всему есть начало» глава 6

– Значит, у тебя уже есть муж и тебе мало одного, решила завести еще? Значит, двоеженство. Ой, вернее, двое... Как правильно? Двое... муженство? Нет, двое...

– Два мужика, что тут голову морочить, – хихикнув, сказала Лариса. – А муж все равно один. А тебе что, завидно?

– Э... Даже не знаю. Вот и думаю, может завести еще одного, такого маленького блодинчика.

– Пуделя или болонку?

– Я же тебе не про собаку, а про мужчину. Чтобы бегал на задних лапках. Ты ему говоришь что делать, а он, тявкая, кувыркается по ковру и прыгает на задних лапках.

– Ногах, – поправила подружка.

– Да не важно. Как тебе?

– У меня уже есть одна штука, вторая будет в пятницу прыгать... или я прыгать? Тут дело такое, трудно разобраться, кто кого дрессирует. А у тебя было что-нибудь подобное в детстве?

– Что? – схитрила Юля, хотя прекрасно поняла вопрос.

– Не прикалывайся, колись. Мы вот почти все лето играли в семью. Правда, потом Генка разругался с Галей, и мы поменялись.

– Да у тебя был не один муж, а целых два?

– Нет, второй раз уже не муж, а так... Колись, какое у тебя темное прошлое, что в детстве творили?

Юля улыбнулась, ей было что вспомнить. Так, наверное, поступают многие дети, простые игры переходят в тайну, которая перерождается во что-то более серьезное.

Лека, ее подружка, еще та заноза, чуть было не подожгла дом. Ходила со спичками в амбаре, а там бабушка оставила коробку с ватой, и та вспыхнула словно бензин. И Лека ничего другого не придумала, как просто накрыть коробку тазиком. Но вата не захотела тухнуть, она тлела почти час. По дому потянуло едким дымом это и спасло амбар от поджога.

Лека была арестована на неделю, сидела дома и помогала маме с ремонтом. Но за примерное поведение в субботу ее выпустили.

– Бежим, – первым делом увидев Юлю, крикнула она и со всех ног бросилась улепетывать со двора.

– Ты куда? – только и успела крикнуть девочка, но не стала отставать от подружки и тоже побежала вслед за ней.

– Быстрей, быстрей, – только и кричала она, перепрыгивая через изгородь, пробегая вдоль почерневшего от времени сарая Нюрки. – Не отставай, – Лека нырнула в кусты и, пробираясь через густые заросли камышей, зачавкала ногами по какой-то топи. – Снимай сандалии и за мной, – приказала она и, задрав повыше платье, шустро пошла в сторону

реки.

Они обогнули редкие кустарники, с минуту стояли и думали, как обойти небольшую заводь. Можно было и напрямую, неглубоко, но илистое дно. Девочки сразу отказались от этого плана. И осторожно двигаясь вдоль берега, чтобы не соскользнуть в речку, они пробрались к огромной иве, что росла у самой воды.

– Вот, – гордо заявила Лека и развела руки в стороны.

– Чего вот? – запыхавшись и изрядно испачкавшись, спросила Юля.

– Это остров индейцев.

– Чей?

– Наш, в общем. Круто, правда? Мне про него рассказал Митька, он тут сплавлялся на камере и увидел. Со стороны деревни ни черта не видно, да и добраться, как видишь, не так-то легко. Но самое главное что?

– Что? – тут же с интересом спросила подруга.

– Песок, – и Лека быстро подбежала к берегу, спустилась вниз и пошла босиком по мокрому песку.

Да, песок – это редкость, тут в основном берега глиняные, скользкие, есть песок на карьере и у запруды, что сразу за школой. Юля тоже спустилась к реке, присела и, трогая руками песок, заулыбалась.

– Давай это будет наше место, – сразу предложила она.

– Заметано, – согласилась Лека. – А теперь купаться.

– Я не могу, – с испугом в голосе сказала Юля.

– Почему?

– Мама запретила. Если приду мокрой, то...

– А ты разденься, – Лека покрутила головой, забежала под иву и быстро стянула с себя платье, а за ним и свои голубые трусы.

Юля смотрела на свою подружку, которая вырвалась из-под ареста и готова была беситься и визжать от радости. Она голышом пробежалась по маленькому пляжу, вернулась обратно к иве и с разбегу шлепнулась в воду.

– Ну же, давай!

Юлю не пришлось уговаривать, она так же как и подружка, сняв с себя все что было, прыгнула в воду. В этом месте река поворачивала и было не глубоко. Девочки визжали, словно впервые решили искупаться. Нырjali, волосы прилипали к лицу, они чихали, кашляли, но из воды не выходили почти полчаса. И только когда посинели губы и они стали дрожать от холода, выползли на маленький пляж и, развалившись на нем, подставили свои спины под теплое солнышко.

– Ка... ка... как тебе? – дрожащим голосом спросила Лека.

– К... к... кру... круто... – ответила ей Юля.

Они как две черепахи, что долго путешествовали в океане, отдыхали, набирались сил. Лека соскочила и опять умчалась купаться, но спустя пару минут вернулась и снова легла греться.

– Только никому, – прошептала она.

– Договорились, никому, – подтвердила Юля и ущипнула подружку за бок.

– Ай. Тут так тихо, так спокойно, так здорово, – успокоившись, сказала Лека.

Они весь день только загорали и купались. Домой вернулись голодные, сразу убежали на кухню.

– Завтра утром что бы ни-ни, – шепотом, чтобы никто не услышал, сказала Лека и, чмокнув Юлю в щечку, убежала к себе домой.

Юля весь вечер готовилась. Нашла старый папин рюкзак, положила в него сырую картошку, чтобы приготовить в костре, полбуханки хлеба, баночку варенья и еще немного колбасы. Порылась в шкафу и нашла еще с Нового года засохшие конфеты. Так всегда поступали, хорошие съедали, а те, что в довесок, уже после шли.

– Идем, – увидев Юльку, крикнула Лека и, не дожидаясь, пока подружка подойдет, нырнула в кусты.

Опять старая дорога, но в этот раз Юля была готова, знала куда идет. Топи, озерцо, опять топи и берег, а там и рукой подать до их ивы. Как только дошли, девочки сразу стали проверять, нет ли кого постороннего. На песке были только следы от какой-то птицы.

Они улыбнулись и как по команде стали одновременно раздеваться. В этот раз Юля прихватила свой купальник, но видя, что Лека опять разделась догола, и она решила не вы-

деляться. Бросила свой голубой купальник обратно в рюкзак и побежала на берег.

– Круто, – пыхтя, перебирая коленками, выползла из воды Лека и шлепнулась на мелководье.

Через несколько секунд рядышком, подняв брызги, улеглась Юля и, зажмурившись от яркого солнца, посмотрела на облака.

– Бегемот.

– Где? – Лека перевернулась на спину и посмотрела туда, куда Юля показывала рукой.

– Это не бегемот, а Борька.

– Какой еще Борька?

– Бык, в стаде. Такой толстый и большой, я его боюсь.

– Ой, смотри, а это лягушка, – и Юля ткнула пальцем в другую часть неба.

– Это не лягушка, а Зяба.

– Что еще за Зяба?

– Коза у баб Веры, вечно в репейниках ходит.

– Хм, – Юля не стала возражать, Зяба так Зяба. – Смотри, танк, – она опять ткнула рукой в небо.

– Это...

– Танк и все, ясно?

– Ладно, пусть танк, но ствол кривой.

– Это пока ты тут болтала, он согнулся.

– Станный он у тебя, – Лека тяжело вздохнула, перевернулась на живот и покосилась на Юлю.

Что за странное небо, некоторые облака плывут налево, другие направо, а есть такие, которые и прямо и все одновременно. Юля смотрела на это чудо природы и млела от удовольствия, от того, что Лека чуть касалась пальчиком ее кожи.

Она улыбнулась, прикрыла глаза и представила, что плывет в тех самых облаках. Может так и выглядит рай. Река, песок и ничегонеделанье. Ах да, Юля еще забыла про булочки, что лежали в рюкзаке. А еще газировка, которую прихватила Лека, ну, в общем, всякие вкусняшки.

– Ой, – чуть вздрогнув, сказала Юля, открыв глаза, посмотрела на Леку, а та с серьезным лицом что-то вырисовывала ей на животе.

– Что это? – спросила она у Юли.

– Круг.

– Нет, подумай, – и девочка еще раз нарисовала фигуру на животе.

– Колобок.

– Да какой тебе колобок, ну же...

– Булик. Нет, Копатыч из «Смешариков».

– Точно, – обрадовалась Лека и шлепнула Юлю по животу.

– Ай! – возмутилась девочка.

– А это что?

Они так лежали на мелководье и друг другу рисовали всякие фигурки и слова. Кто лежал, тот должен был отгадать. К обеду съели колбасу и все яблоки, запили газировкой, сразу

потянуло на сон. Девочки растянулись под ивой и сладко задремали.

«Что это было?» – еще окончательно не проснувшись, спросила себя Юля. Что-то теплое, щекочущее, вроде знакомое и в то же время нет. Она услышала, как где-то в камышах пиликала птица, где в поле, за рекой, во всю стрекочут кузнечики. «Ой». Опять это ощущение. Юля нехотя открыла глаза и посмотрела на листву, что качалась над головой.

Кто-то очень осторожно прикоснулся к ней. Юля повернула голову. Легкий импульс в груди и этот щелчок в мозгу, словно рубильник, то включался, то выключался. Она вздрогнула, чуть напряглась, но уже через секунду тело снова обмякло.

Лека нагнулась и, осторожно прикасаясь пальчиком, водила им по ее соску. «Что это?» – промелькнула мысль, девочка чуть улыбнулась, дотронулась до коленки Леки, та сразу посмотрела ей в глаза.

– Смотри как интересно, – сказала она. – Он у тебя твердый, – Юля не ответила, а только подняла голову и посмотрела на сосок, что чуть выпирал вверх.

Уже как года два она заметила изменения в своей груди. Сперва тягучее, немного покалывающее состояние, а после он как ягодка взял и появился. Сосок стал сжиматься и выпирать вперед. За этим последовала стеснительность, словно у нее и правда грудь, а не этот прыщик. И все же Юле было интересно рассматривать его в зеркале. Он рос как-то

уж слишком медленно, вот у Верки, у той уже о-го-го, как говорили мальчишки, персик.

Лека коснулась соска, еле уловимая волна в груди и это состояние неги, когда ты вот-вот проснешься и готова потянуться.

– Ты что делаешь? – спросила она Леку.

– А у меня не такой, плоский и мягкий, – она села, повела плечами. – Сядь, – приказала Лека, и Юля села, ее сосок сразу преобразился и появился небольшой треугольник, который стал выпирать вперед. – Здорово.

Юля не знала, что сказать. Ей вроде бы даже нравилось, как он торчит, а может и нет, сама еще не разобралась в этом.

Все эти дни они только и делали, что купались, запекали в углях картошку, жарили хлебцы и просто читали. Лека принесла из дома старые юбки, ее мама разрешила делать с ними что угодно. Они их укоротили, а после порезали на тоненькие тесемки и те стали похожи на набедренные повязки, что носят индейцы. В волосы девочки вплели бусинки, а на шею надели ожерелья из пуговиц и новогодних колокольчиков.

Их маленькая берлога под ивой превратилась в индейское стойбище. Они даже принесли удочки, и когда становилось скучно, садились на коряги и ловили рыбу.

– Лежи тихо, – уверенно сказала Лека. Юля и не хотела шевелиться, устала плавать. Она смотрела на подружку, как та осторожно подкралась и, наклонившись над ней, очень осторожно коснулась губами ее губ.

– Ты че...

– Молчи, – попросила ее Лека и опять повторила попытку поцеловать. Но губы не слушались, словно онемели.

– А ты целовалась? – не выдержав эксперимента, спросила Юля.

– А... – как бы отмахнувшись, сказала Лека. – Было дело, с Витькой, но он слюнявый. Я еще раз попробую, – Юля не возражала и приготовилась. – Расслабь губы. Ирка, сестра Вовки, говорит, что губы должны быть мягкими словно...

– Вареники...

– А при чем тут вареники?

– Мягкие как вареники...

– Нет, наверное, как... – Лека призадумалась, ища в своей голове сравнение. – Не знаю, в общем, должны быть мягкими. Тебе понятно.

Юля кивнула, несколько раз сжала губы, потом вытянула их вперед и шипло прошептала:

– Все, я готова.

Лека тут же нагнулась и коснулась своими губами, замерла и, заморгав глазами, села обратно.

– Ты что ела?

– Картошку.

– Нет, до этого.

– Это... утром холодок...

– Точно. Так и знала, мятный такой...

– Ага.

– А у меня дома гематогенка есть, завтра возьму.

– Ладно, не шевелись, – опять приказала Лека, тут же нагнулась вперед и сразу поцеловала подружку.

Это был просто эксперимент, понять, зачем взрослые целуются, да еще глаза закатывают, а потом чавкают и голову наклоняют. Юля думала, не мешает ли нос, но когда Лека целовала, она забыла про него, просто что-то чувствовала, но что, не могла даже понять. Вот что-то и все.

Лариса внимательно слушала рассказ Юли, чуть вздыхла, прижимала руку к груди и думала о чем-то своем. Девушки еще долго сидели в кафе, и каждая делилась своими маленькими тайнами.

Можно я тебя поцелую

Рассказ из книги «Всему есть начало» глава 11

Юноша ковырялся с древним видеоманитофоном. Он пытался заставить его работать. Тогда может удастся посмотреть кассеты, которые скопились в коробке. Он мало что понимал в схемах, электроника для него – это мир магии. Юноша просто шаг за шагом проверял контакты.

– Слушай, – отвлекла его старшая сестра. Она осторожно присела на стул, который чуть покачивался, потому что ножка вечно выпадывала. – Ты меня слышишь?

– Слышу, – нехотя ответил юноша и, не поднимая головы, что-то покрутил отверткой.

– Можно я тебя поцелую?

– Целуй, – не придав значения словам, ответил он.

Девушка удивленно заморгала, она ожидала отказа, возмущения, но... Марина растерялась и, выпрямившись, робко коснулась руки брата.

– Ну что?... – пробормотал он и закрыл крышкой корпус. – Ну, вроде должен заработать. Попробуем?

– Так могу?

– Да, заработает, – утвердительно сказал Вадим.

– Нет, я не об этом, могу поцеловать тебя?

– Что? – он удивился словам и с подозрением посмотрел на сестру.

Она вот уже как полгода сходит с ума по Артему. Парень он ничего, вежливый, не то что Генка, ее бывший. Тот был придурком, курил и оберегал свои белые футболки, словно

нет ничего более драгоценного в мире. А этот, ее новый, и правда был ничего, можно даже поболтать. Хотя какое ему дело, с кем хочет, с тем пусть и чмокается, лишь бы не доставала.

Иногда Марина пела от счастья, а он из своей комнаты кричал, чтобы заткнулась. Тогда она врывалась к нему, пара подзатыльников успокаивали Вадима. Но он ворчал и при малейшем случае пытался запустить в нее книгой. Маринка – отличная сестра. Если что, не только наподдает, но и защитит, ведь на то и старшая. Но в последнее время она раскисла, стала какой-то мягкой, это все ее любовь.

Если приходил Артем, Вадим забивался в свою комнату, закрывал дверь, не хотел никого пускать в свой мир. А те делали вид, что занимаются, то хихикали, то громко говорили, словно на сцене.

– Можно я тебя поцелую? – снова спросила Марина.

– Ну... Это... А что?

– Просто поцелую и все?

– Ну, разве что просто...

Он сам один раз попытался влюбиться, даже не зная зачем, просто попробовал. Тогда с Колькой ходили в кино, и тот ткнул пальцем в Ленку из параллельного класса. Вадим ее видел много раз, но как-то не придавал значения, ну ходит, ну бегают, ну девчонка и что тут такого? Но после кино он задумался и уже не мог избавиться от мысли, чтобы не думать о ней.

Странное это состояние влюбленности, как удар по голове. Вроде все нормально, шел, думал о своем и бах – влюбился. Вот так просто – бах, и все. Зачем и, главное, почему так? Вадим не мог понять, старался увидеть в Ленке что-то отталкивающее, но нет же, чем больше думал, тем больше она ему нравилась. «Зачем?» – почти закричал он дома, понимая, что втюрился.

– Ладно, поцелуй, – немного неуверенно ответил он.

Правда он ожидал какого-то подвоха. Она еще в детстве любила над ним пошутить, то конфетку подсунет, а там пустышка, а если и даст, то предварительно разрежет, сделает ямочку, а туда соль.

– Встань, – попросила она его.

Он так и сделал, положил на стол отвертку и стал ждать. А чего он ожидал, стоял по стойке смирно, словно так и надо было. А откуда он знал как надо, кто ему что говорил. Глазки забегали, словно сейчас произойдет чудо. Он знал, что такое поцелуй, даже думал о них, но никак не мог понять, зачем они нужны. И все же что-то подсказывало, что поцелуй – это как бы доверие, не просто знак дружбы девчонки и парня. Это маленькая клятва и тайна, в которой ты признавался в любви. А впрочем, кто его знает в действительности, что такое поцелуй?

Вадим немного боялся сестры, она хоть и не была мегерой, но если разозлится, то просто адская кошка.

– Стой, – ее голос на удивление был ужасно спокойным

и добрым. – Я только чуть-чуть, – сказала она и коснулась губами его губ.

«Что это? Сеструха лезет ко мне, а как же Артем, как он? Что ей, мало его?» – в голове промелькнули мысли, глаза сперва замерли, а после забегали из стороны в сторону. Вадим чувствовал, как она дышит, ощущал слабый ветерок, и опять эти мысль. «Почему?»

Девушка не торопилась, она хотела насладиться, может уже никогда не сможет поцеловать брата. Губки чуть разомкнулись и снова сжались. Она сделала это несколько раз, а после закрыла глаза, его взгляд ее смешил, и тогда все изменилось. Какой-то сладкий запах, словно ванильная булочка. Захотелось сглотнуть, но она сдержалась и еще раз повторила уже заученное движение губами.

«Какого черта?» – мысль, словно струна, завибрировала, она повторялась и повторялась бесконечно, а он в упор пялился на Марину и не узнавал ее. «Что она делает?» – очередная мысль заиграла в голове и опять стала повторяться.

Этот сладкий и такой глупый поцелуй. Марина даже не знала, почему решилась, вдруг захотелось и все. «Он мальчишка, сосунок, что он смыслит в любви и уж тем более в поцелуях», – думала она, смотря, как тот возится с мертвым магнитофоном. Он откопал его на антресоли, мама говорила выкинуть, но отец не хотел и все время повторял, что это раритет и его место в музее.

И вдруг, даже не успев подумать, она сказала:

– Можно я тебя поцелую?

Девушке стало как-то не по себе, даже стыдно, что пристала к брату с такой нелепой просьбой. А он вместо того, чтобы сказать нет, взял и согласился. Поцелуй, что он дал ей? Так, пару секунд непонятного ощущения, будто взяли и все взболтали, тут нежность и отвращение, стыд и желание, тут тяга и желание убежать к себе в комнату. Она закрыла глаза, чтобы ничего этого не видеть, и просто постараться запомнить, каково это – целоваться.

Марина давно мечтала об этом. Так, ходила с Артемом, но не разу не целовалась. Может боялась, а может что-то держало ее. Оля, подружка, та только и трещит, что поцеловалась то с тем то с другим, но Марина не могла так. Но почему? А ведь так хочется, она даже просыпалась ночью и ощущала на своих губах прикосновение. Иллюзия испарялась уже через несколько секунд, как открывала глаза. Закрывала их и опять это прикосновение, будто он тут.

Вадим словно в карауле стоял и не шевелился. «Ну и ладно», – плавно, словно слабый ветерок, проскользнула мимо мысль. Она прижалась к нему еще раз, а после еще и еще. Что-то было, но что? Что-то там, в груди, тикало словно бомба, которая должна взорваться, но Марина не знала когда. Она снова прижалась, чуть приоткрыла рот. Почувствовала мяту от жвачки, которую братишка любил мусолить часами.

Что это? Вспышка в глазах, словно кто-то провел фонариком, захотелось зажмуриться. Она потеряла равновесие,

губы разомкнулись. «Что?» – только и успела с досадой сказать, как открыла глаза и посмотрела на опешившего брата.

– Че уставился? – по привычке сказала девушка и, повернувшись, вышла из комнаты.

«Вот дурак, дурак, дурак, – повторяла Марина про себя. – Не мог даже поцеловать, а я-то...» Она захлопнула за собой дверь и, с досадой обняв подушку, шлепнулась на диван.

«Что это на нее нашло? Перепутала меня со своим?... И к чему это все?» Вадим попробовал разобраться в ситуации, но как-то вяло работала голова. Мысли нехотя копошились, словно муравьи. Посмотрел на свой магнитофон, постучал пальцем по корпусу и спохватился.

– Ах да, надо проверить.

Он отбросил в сторону все воспоминания, достал удлинитель и, подключив питание к розетке, с надеждой нажал на выключатель. Сразу мигнула лампочка, и что-то внутри магнитофона тихо загудело. На лице появилась улыбка удовольствия, он взял кассету и вставил в широкую щель, что напоминала пасть чудовища. Щелчки. Пасть проглотила кассету, гудение и слабый свист. Вадим соскочил и подключил магнитофон к старенькому телевизору.

– Ну, поехали, – с надеждой в голосе сказал мальчик и нажал на пуск.

На экране что-то замелькало. Какая-то рябь, точки, полосы, но это было не важно, Вадим радостно вскрикнул, а когда появилось первое понятное изображение, он закричал от

счастья.

– Ура! Маринка, смотри, работает, работает.

Он забежал к ней в комнату и, схватив за руку, потащил показывать свое чудо. Глаза так и горели, буквально сияли от счастья. Девушка смотрела не на телевизор, а на своего счастливого брата.

– Ты молодец, я знала, что у тебя получится.

– Да, – воскликнул он и чуть перемотал кассету вперед.

– Теперь будем смотреть. На, – и она подала кассету, на которой от руки было написано «Эммануэль».

Вадим взял, прочитал, но тут же отложил ее в сторону и достал другую.

– Вот, – на кассете было написано «Крепкий орешек 1».

Магнитофон выплюнул кассету и тут же проглотил новую порцию. Опять что-то загудело, зачавкало и через секунду на экране замелькали титры.

– Это концовка, – мальчик отключил и начал перемотку.

– Можно я тебя поцелую? – тихо, словно боясь отказа, спросила Марина брата.

– А...

– Она еще долго будет перематывать.

– Ладно, – тут же согласился он и вытянулся по стойке смирно.

Увидев, как он это сделал, девушка улыбнулась, но, не сказав ни слова, подошла к нему и, чуть нагнув голову, коснулась его губ.

Лева с Юлей ушли в магазин, вроде они нашли общий язык. Почти целый час спокойного времени, а потом придет мама, гости, и опять начнется бедлам. Вадим посмотрел на Ларису, ее глазки сверкали. Она подождала, пока не захлопнется входная дверь и, соскочив, быстро подошла к юноше.

– Можно я тебя поцелую? – сказала она и, не дожидаясь ответа, сразу прижалась к нему.

– Нд... – только и успел он сказать.

Поцелуй был долгим и таким сладким. Юноша знал, зачем люди целуются, но на словах так и не мог это пояснить. Он просто прижимал к себе девушку, а она так страстно, словно уже никогда не сможет это сделать, все целовала и целовала его.

Колпачок

– Максик, не обижайся. Ну прости меня, – подойдя к своему младшему брату, сказала Юля. – Я не хотела, так получилось.

Она часто себя ругала за то, что могла сорваться из-за пустяка, вот и сейчас. Юля попросила у него фломастер, что уже как год лежал у него на полке. Он остался с переезда, такой толстый и важный, словно командир. Папа им подписывал коробки, но Юле нравился не он сам, а его колпачок. Она присматривалась к нему, трогала его идеально гладкую поверхность, ни одной зацепинки. Нет острых углов, все плавно, словно это какой-то застывший кальмар.

– Я возьму его? – сказала она и тут же протянула руку.

– Нет! – почти крикнул Максим, соскочил и вырвал его у нее из рук.

– Ну, он же тебе не нужен.

– Не дам, – коротко ответил он и спрятал в коробку.

– Отдай! – приказала она ему, ведь знала, что он ему точно не нужен, просто лежит.

– Нет!

Вот тогда она и сорвалась, дала ему подзатыльник и еще пнула, отчего он упал на пол. Вот зачем она так поступила, Юля уже через секунду пожалела. Но что делать? Она ушла

в свою комнату, достала подаренную Светкой шоколадкой, и тяжело вздохнув, вернулась к брату.

– Извини, – Юля считала, коли виновата, то надо всегда просить прощения. – На, это тебе от меня.

– Не надо, – пробурчал мальчик.

– Ну не обижайся, давай махнемся, я тебе ее, – она протянула свою драгоценную шоколадку, еще раз тяжело вздохнула. – А ты мне фломастер.

Мальчик явно понял выгоду, тут же схватил плитку, пока сестра не передумала, и вручил ее фломастер.

– Спасибочки, – обрадовалась она, что сделка завершена.

Заскочив в комнату, сразу закрыла двери и, посмотрев на этот странный предмет, зажала в кулаке колпачок.

– Ох... – протяжно выдохнула девочка и шлепнулась на диван.

Он такой твердый, такой гладкий, такой плавный и теплый в ее руках. Юля разжала пальцы и внимательно посмотрела на ярко-оранжевый фломастер. Обычно фломастеры как карандаши, небольшие, а этот пузатый. В детстве папа привез из командировки два простых карандаша, это были целые палки, он их почти час затачивал. Как она им гордилась, ни у кого такого большого карандаша не было, а у нее был. А теперь у нее есть он. Юля преподнесла поближе колпачок и, высунув язычок, прикоснулась им к пластику. На лице сперва возникла гримаса, словно попробовала редьку, а после улыбка и глазки засияли. Она еще несколько раз лиз-

нула его, будто это леденец.

– А ты ничего, – тихо, чтобы брат не услышал за стенкой, сказала девочка и прижала его к груди.

В дверь постучали.

– Ну что еще? – недовольная тем, что ее отвлекли, спросила Юля.

– К тебе Пашка, – коротко ответил Максим.

– Ой.

Девочка соскочила с дивана, закружилась на месте, не зная, что делать. Она обещала Павлу, что пойдет с ним на набережную Туры, говорят, там красиво, все отремонтировали.

– А, сейчас, – крикнула она и стала быстро переодеваться.

Через час они уже вместе шли по гранитной мостовой, что начиналась от музея и тянулась до ДК «Нефтяник». «Мост Влюбленных», почему его так называли? Юла молчала и смотрела на подвесное сооружение, что соединяло два берега. Раньше тут стоял деревянный мост, говорят, он разрушился. А вот теперь тут ходят влюбленные и она не исключение.

Пашка, немного лохматый, неопрятный, но он милый. Она слушала его рассказы про то, как он с Олегом запустили в квартире двигатель от модельного самолета.

– Вот был рев, – повысив голос, словно мотор ревел совсем рядом. – Грохот стоял... Что?...

– Не кричи, я слышу тебя.

– А... – поняв, что перестарался, понизил он голос.

Юля смотрела на него и смеялась в душе. Он такой один на белом свете. Но почему? Она не могла себе ответить, да и не хотела даже искать ответов. Пальчики сжали в кармане колпачок, и на душе сразу стало так весело, словно прикоснулась к чему-то такому...

Она прекрасно понимала, на что он был похож, просто раньше он был простым фломастером. Но после того как стала изредка целоваться с Пашкой... «Ах...», – всегда говорила она себе, когда вспоминала его губы. «Ах...», – повторяла Юля, желая прижаться к нему, но почему-то боялась сделать это первой, а он то ли трусил, то ли уж слишком был скромным. «Вот блин», – ругала себя, сжимая одной рукой его ладонь, а другой колпачок. Он был похож... ну, в общем на него, что тут говорить. Хотя еще ни разу не видела вживую, только на картинках. Но как приятно представить, что он у тебя в руках, что хочешь, то и делаешь. Можешь погладить, лизнуть, даже поцеловать, а если уж так хочется, то и зубами чуть прижать. «Ах...», – в животе аж свело, она тяжело вздохнула и чуть сильнее сжала его пальцы.

– Хочешь мороженого?

– Хочу, – тут же ответила она.

Язычок облизывал шоколадную глазурь, она шурилась и косилась на него. А он опять рассказывал про то, как с братом делали плот, но он не выдержал их, и они упали в воду, а ведь была еще осень.

Вечером, когда погас свет, и Юля уже укрылась, ее рука

потянулась к нему. Она хотела еще раз прикоснуться к нему, воспоминания сразу заиграли. Девочка вспомнила, как, поднявшись на площадку, она сжала как можно крепче колпачок и загадала глупое желание. И оно тут же исполнилось. Пашка, как настоящий мужчина, обнял ее. Она перестала дышать, захлопала глазами, а после он поцеловал ее. Пальчики разжали колпачок, она потянулась и, проведя руками по его растрепанным волосам, ответила тем же.

– И почему мама этого не понимает.

Тихо сказала она сама себе. Постаравшись вспомнить, когда она целовалась с отцом. Но это было только в детстве, когда сама ходила в садик, а после все, они окончательно встали взрослыми.

– Это ведь так здорово.

Прошептала Юля и, взяв колпачок, преподнесла его к губам. Да, это не его губы, это всего лишь пластик, но теперь она нежно касалась губами и вспоминала своего Павла.

Каково это, быть с ним? Нет, не на улице и не в подъезде. А вот тут на диване. Чтобы он ее гладил, а она, подставляя свое тело для его рук, прогибалась и мурлыкала. Юля тяжело вздыхала, она не могла представить, но пальцы скользили по своему телу. Она вздрагивала, улыбалась и посылала воздушные поцелуи. «А что потом?», – спросила себя, и пальчики прикоснулись к трусикам. Она знала, что будет дальше, но боялась об этом думать.

– Нет, не сейчас, – еле слышно шептала под одеялом, а

пальчики продолжали бегать по ее телу.

Пашка заболел, он не пришел, а когда она зашла к нему домой, то его мама даже не дала на него взглянуть, сказала, что инфекция.

– Так грустно, – чуть ли не плача, обнимая колени, простонала она и, закрыв глаза, вспомнила набережную, мороженое и его руку. – Ну, что лежишь? – спросила Юля у колпачка.

Он как-то одиноко лежал на столе, будто всеми забытый, покинутый. Словно почувствовав его тоску, девочка соскочила, схватила его и тут же поцеловала.

– Не грусти, я рядом, я тут.

Ее губки, прикасаясь к нему, нежно целовали кусочек пластика. Она облизнула его и, чуть приоткрыв ротик, зажала его.

– Ой... – выдохнула Юля и прижала ладонь к животу.

Через неделю Пашка как ни в чем не бывало уже бегал. Они опять шлялись по городу, ели мороженое. Кое-что доставалось и Максиму, но он только морщился, строил рожицы и шептал, что она втюрилась. «Я знаю», – думала она и убегала со своим принцем в парк, а там опять, как только стемнеет, они целовались.

Юля всегда загадывала желание, сжимала пальцами свой талисман и всегда они исполнялись. «Вот почему так?», – задавала она себе вопрос. Нет, конечно же, если бы она загадала новую книгу или юбку, это бы не сбылось. Ведь на все

есть свой талисман, так, по крайней мере, она считала.

– Где же, где?

Она металась по комнате, выискивая свой яркий, словно фонарик, фломастер. Но он куда-то запропастился.

– Ты его взял? – она хотела, для наглядности своих слов, опять дать подзатыльник брату, но сдержалась.

– Нужен он мне, – с опаской ответил Макс и чуть прижал голову, ожидая нападения.

Она опять ворвалась в комнату и, переворачивая все вверх дном, спрашивала себя:

– Ну где же ты?

Ее колпачок испарился, исчез, словно его и не было. Юля шлепнулась на диван и расстроено посмотрела на пустой стол.

– Что делать? Что? – стук в дверь прервал ее отчаянные мысли. – Что?

– Он пришел.

– Кто?

– Твой бойфренд.

Как она ненавидела это словно. Оно как клеймо для породистого бычка.

– Что делать?

Юля соскочила и закрутилась, словно волчок, на месте. Как она теперь без своего талисмана. Как?

– Привет, – послышался его голос в двери.

– А... А, привет, – взволнованным голосом ответила она.

– Ты забыла у меня.

Он тут же протянул ей кулек. Юля взяла и заглянула в него. В груди все вспыхнуло. Она отбросила его в сторону и уже через секунду, не успев загадать своего желания, подбежала к нему и, обняв Павла, тут же сама поцеловала его.

– Бе... – донесся из коридора голос ее брата.

Но Юля не обратила на него внимание. Она просто целовала своего принца, а он, вытянув руку и прикрыв за спиной дверь, ответил тем же.

Девочка не забыла про свой талисман. И вечером, когда погас свет, она взяла его в руки, нежно погладила.

– Ты мой мальчик, – прошептала ему и кончиком языка коснулась его.

Юля поцеловала его. Она играла с ним как позволяла ее фантазия. То тихо ойкая, словно прикоснулась к живой плоти, то замирала, боясь проникновения, то снова постанывая и прогибаясь в спине, представляла каково это...

Она уснула счастливой, зажав в ладони свой талисман, что исполнил ее первые тайные желания.

Спор

Рассказ из серии «Непристойное предложение» глава 2

Не теряйте лучшие моменты в вашей жизни только по-

тому... ...что вы не уверены.

– Привет. – Она хлопнула калиткой и вошла во двор. Он медленно повернулся и нехотя посмотрел в ее сторону. – Ты что такой кислый?

– Нормальный.

– А что тогда? – Она подбежала к нему вплотную и заглянула в глаза.

– Дед. – Сухо ответил юноша.

– Что дед?

– Трезвый.

– И что из того? – Удивилась девушка.

– Ворчит.

– А тебе какое до этого дело?

– Приказал навоз вытащить. – Ответил он и тяжело вздохнул.

– Ну и что из того? – Не унималась она и вертелась вокруг него.

– Что значит что? Это же работа до конца дня. За всю зиму не перетаскать. В прошлом году таскали с ним, дед после со спиной неделю маялся, а у меня ладони горели.

Она посмотрела ему в глаза, а после на ладони, что он держал перед собой. Ладони как ладони.

– Не поняла? – И пожала плечами.

– Я тогда пальцы не мог разогнуть. Как держали вилы, так и оставались скрюченными. – И, посмотрев в сторону хлева,

добавил. – Лучше бы он пил.

– Да брось из-за этого так расстраиваться. Если не сегодня, то завтра сделаешь. Куда он денется, твой навоз?

– Да впрочем, некуда, это я так, просто планы сбил, а так я его люблю, правда ворчит не переставая.

И как будто дожидаясь этой фразы, из дома вышел дед. Для деда он был еще молодой, но скрюченный по дуге. Лицо сияло, невольно я улыбнулась ему в ответ:

– Доброе утро, дед Шура! – Доковыляв до нас, он уперся рукой в изгородь, посмотрел на меня, потом на Вовку и, как бы прочищая горло, рыкнул:

– Опять бездельничаем?

Я подождала, выждав паузу, весело сказала:

– Нет, что вы, дед Шур, я как раз пришла спасти Вовку от гибели и от скуки, он обещал показать лисью косу.

– А... – Многозначительно произнес он, – этаж вон где, – и мотнул своим небритым лицом куда-то в сторону элеватора, будто я знала, где это вообще.

– Ну дак мы пойдем? – Мне не хотелось откладывать наш маленький поход. К тому же, сегодня была отличная погода, а свой навоз Вовка может вытаскать, к примеру, завтра. Кстати, завтра я собиралась ехать с Ольгой, это моя подружка, в райцентр. Обычно один раз в неделю мы ездили с ней закупать сладости, а после целую неделю уплетали их. Вот завтра и настал тот день, когда наши запасы подошли к концу. – Ну, дед Шура, вы отпускаете Вовчика?

По его глазам было видно, что ему этого так не хочется. Он покряхтел, потом повернулся и пошел в огород. Ответа я так и не дождалась.

– Ну вот видишь, – в этот раз я уже говорили Вовке, – он не против.

– Как же...

– Дед Шур! – Крикнула я вдогонку скрывающейся спины. – Дак что?

Его головы среди кустов не было видно, только вздрагивание листвы говорило о его месторасположении.

– Ладно, пусть идет. – И немного погодя, добавил. – Вовка, благодари Маринку, а то... – Что это «то», я так и не поняла. Но, наверное, что-то связанное с сегодняшним его заданием. И, повернувшись к Вовке, скомандовала:

– Бери, – я указала пальцем на сумку с полотенцем и водой, – и пошли, – а для пущей важности, чтобы подтолкнуть Вовку, добавила, – а то он сейчас передумает.

После этих слов мне пришлось быстро разворачиваться и буквально бегом идти за Вовкой.

Сегодня он обещал мне показать отмель у изгиба реки. Это была не наша река, поэтому придется пересечь часть леса и пахоты, и где-то уже там должна быть Пышма, так называется река. Я помню ее. Мы все время проезжаем ее на машине через мост, но это далеко от деревни, примерно километров тридцать. А вот Вовка говорит, что она не так далеко от нас пробегает, просто не все знают об этом.

Мы шли быстро, он все время ходит быстро. Куда так спешить? И все же, я не отставала и не задавала лишних вопросов, просто шла и все.

– Слушай. Мы что, вот так и будем идти? – наконец не удержалась и спросила его.

– Да.

– И далеко?

– Да.

– А ключ проходить будем? – Это наш родник, я с детства его помню. Все время ломали голову, откуда берется вода и даже пытались как-то проверить палкой глубину отверстия, откуда она текла. Буквально через сорок сантиметров палка уперлась в землю. И миф о том, что если встанешь в центр ключа, то провалишься, был развеян.

– Да.

– Что да?

– Будем проходить.

– Слушай, а ты можешь говорить более развернуть. Ну, к примеру... – и тут я решила его поучить, как надо разговаривать с дамой.

– Слушай, прекрати мне читать нотации. Я веду, а ты идешь. – И, посмотрев мне в глаза добавил. – Согласна?

– Ну... – Его взгляд был холодным и злым, – а что ты такой злой, из-за деда что ли?

Он не ответил, но зато снизил темп своего шага, за что я, впрочем, была ему благодарна. Я не могла идти вот так

быстро, да еще молча.

– Извини меня, ты можешь меня не слушать, но я не могу идти в тишине.

– А ты послушай кузнечика, – почти на полуслове прервал он меня.

Я посмотрела по сторонам, как будто искала этого самого кузнечика.

– Зачем? Я что, не слышала его раньше?

– Ну послушай что-нибудь другое, подумай, помечтай, не приставай ко мне.

– Да никто к тебе и не пристаёт. Вот лучше скажи, как твой вездеход?

О, что тут началось. Из него полилось. Я знала, это его коронный номер, он над этим вездеходом трудится уже второй год. Однажды, как мне сказал Валерка, они с Вовкой лазили на машинный двор ночью, там в основном сейчас стоят списанные трактора, и вот там их застала сторожевая собачка. Ну собачка – не собачка, а достаточно большая псина. Их спасло только то, что она бегала на цепи, а цепь крепилась кольцом к толстой проволоке, а вот проволока тянулась вдоль всего ряда машин. В общем, Вовка после этого долго хромал, а его мать допытывалась, что это с ним. А я знаю, что они боялись идти к врачу. Уколычики в животик от бешенства, а тогда, глядишь, и инженер бы узнал об этом, а там и проблемами запахнет. Вот Вовка и прохромал на свой страх и риск целую неделю. Я об этом узнала вот недавно.

Из него лилось и лилось. Я уже знала, где и какие втулки, сколько он дизеля жрет, и почему именно «жрет», а не сжигает. И кажется, этому не было ни конца, ни края.

– Стой! – Скомандовала я.

Он остановился.

– Что случилось?

– Я беру тайм-аут.

– Какой еще «аут»? – Его глаза непонимающе пялились на меня.

– В общем, перерыв.

Он усмехнулся.

– Понял. Тогда теперь ты, – и, не дождавшись, пока я что-нибудь придумаю, пошел дальше.

«Вот наглость», – подумала я, «если не про его железяки, дак значит все». Прижав к затылку свою соломенную шляпу, я бросилась вдогонку.

– Постой, что ты говорил насчет цепи?

Вовка резко остановился, и я чуть было не налетела на него. Он повернулся ко мне, посмотрел на меня, как накую-то букашку сквозь линзу. Я поняла, что сказала, наверное, что-то не так.

– Не пытайся говорить о том, что не понимаешь, – и тут же добавил. – Нет – значит нет!

– Что нет?

– Значит нет! – И медленно пошел.

– Не поняла, что нет?

– Трактора.

– Какого трактора?

– А о чем это я тебе все это время говорил? – И с иронией посмотрел на меня.

– Ну как же, о своем вездеходе.

– Вездеход был в прошлом году.

– Ну знаешь ли, за скоростью твоей мысли я не успеваю.

Откуда мне было знать, что он теперь у тебя называется трактор, а завтра ты его еще как-нибудь обзовешь. Он как стоял у тебя, так и стоит, – и, фыркнув, обогнала его и пошла спереди.

После мы сменили тему разговора. Коснулись учебы, но про нее не хотелось думать, уже скоро август, а там и школа. Перебрали все фильмы, что показывали в клубе, коснулись друзей, помыли им косточки. В общем, Вовка отошел и стал как обычно веселым собеседником.

Уже прошло больше двух часов, а мы все шли и шли. Вовка сказал, что еще час, и мы на месте. Да, теперь понимаю, почему туда никто из наших не ходит купаться, жутко далеко, а на велике по лесу не покатаешься.

– Слушай... – Начал было Вовка. – Я тут... – Он почесал затылок. – ...Да нет, глупость.

– Что именно? – Поинтересовалась я.

– Да нет, так, просто глупо об этом говорить, – и слегка ускорил шаг.

– Что ты хотел сказать? – Крикнула ему вслед.

– Нет, я же сказал, что это глупо.

– Что глупо, а что нет, решать мне, а ты говори.

– Слушай... – Он почесал себе нос. – Мы тут... в общем...

не знаю...

– Прекрати мямлить, говори. – Мне жутко не понравился такой разговор, когда человек ходит вокруг да около, хочет, а не может решиться. – Ну же.

Он остановился. Посмотрел мне в глаза, потом его взгляд опустился, руки мяли сумку, что я дала ему нести, а после он повернулся и пошел дальше.

– Я не поняла, что ты сказал?

– Я ничего не говорил.

– Тогда скажи, а то я забыла язык жестов, – и, передразнивая его, начала вертеть пальцами как при субтитрах.

Он глубоко вздохнул и выпалил одной безостановочной фразой.

– Мы поспорили, что я смогу уговорить тебя сегодня раздеться до гола...

Он что-то еще говорил, но я стояла как вкопанная. Такой наглости я не ожидала от него. Вовка все шел и шел, и все говорил и говорил.

– Стой! – Крикнула ему в спину.

Он остановился. Втянув в плечи голову, как будто ожидая удара, медленно повернулся ко мне. Я быстрым шагом подошла к нему. Во мне все кипело. Такого оскорбительного отношения к себе я не ожидала ни от кого. Никогда не подава-

ла повода для подобных мыслей. Мне хотелось выплеснуть ему в лицо все, что я думала про него и про тех, с кем он спорил. Ярость во мне кипела так сильно, что будь он ближе ко мне метров на десять, я, наверное, вцепилась бы ему в волосы. Но подойдя к нему, не смогла сказать ни слова. Руки от негодования тряслись. Я отвернулась от него, закрыла глаза и начала считать до десяти, а потом еще и еще раз.

Спустя несколько минут я почувствовала свое тело. Сознание вернулось, мысли начали выстраиваться в логическую цепочку. Я услышала шум леса. Постояв еще какое-то время, открыла глаза и повернулась к нему.

Вовка сидел около сосны, у ног лежала моя сумка. Он сидел так, как будто ничего не произошло, как будто это не он сделал мне непристойное предложение. А что я вообще ожидала увидеть? Покаяние, склоненную в покорности голову? Нет, он сидел и рассматривал какую-то веточку.

– И?!... – Это был вопрос, ответ на который я так или иначе знала, но мне хотелось услышать извинение.

– Что?

– Что значит что?

Он встал, отряхнул с себя иголки. Делал это специально медленно, и это начало меня опять заводить.

– Извини, это глупо с моей стороны, я не хотел тебя обидеть...

– Глупо? – Начала было я. – Глупо...

– Я же извинился. Забудем. Я же не хотел. – Он потупил

взгляд и теперь стоял передо мной как провинившийся ученик и мямлил в свое оправдание. Что мол это не он, что его сбили с истинного пути, что он прилежный ученик, но не выучил урок... Дак хотел, но помешали, а потом учебники пропали, а потом пожар и он спасал бабушку из пламени, а потом, а потом...

Я стояла с гордо поднятой головой и вдруг представила себя со стороны. И мне стало смешно, и что это я вот так взбеленилась. Но мне хотелось его отчитать как провинившегося ученика. Получить свою порцию удовлетворения за то, что я имею над ним власть. Я говорила ему, а он кивал. В конце концов, насытившись своим превосходством, я скормандовала и пошла по пыльной дороге.

– Я им так и сказал, что ничего не получится.

Я остановилась и резко повернулась к нему.

– Кому сказал?

– Ну, им... – Он мялся, а стоит ли закладывать друзей. Мне все равно, кто они там, не они это сказали, а он.

– Объясни, что значит поспорили? – Мне самой стало любопытно, как это они могли спорить. Неужели они не знали меня? Спорить на меня.

– Ну это было в среду, они говорили о многом, – он специально избегал имен, – а потом они сказали, что ты неприступная крепость, а я возьми и ляпни, что нет, что у каждого есть своя трещина, только надо найти и расколоть орех.

– Что за орех?

– Ну, это так я сказал, для сравнения, я имел в виду, что к каждому можно найти подход. Вот так и сказал.

– И я так понимаю, они поймали тебя на слове, и ты пообещал?

– Нет, не пообещал, еще хуже, поспорил, что ты разденешься. – Он снова замялся. – Ну в общем... совсем.

– А тебе-то какая с этого выгода, что свидетели есть?

– Нет.

– Тогда в чем? Чем докажешь?

– Не знаю, не думал, – он постоял и пошел за мной.

– Не понимаю тебя. Как ты мог только такое подумать.

– Я же сказал, что это необдуманная глупость с моей стороны.

– И, однако, – не унималась я – ты это сказал, значит думал.

– Ну думал, – и, помолчав немного, добавил, – давай забудем об этом.

– И поэтому ты предложил мне пойти на твой пляж?

– Да, но и не только поэтому, я же сказал, что ничего не получится. А пляж, он просто красивый, там так тихо и такой песок. И нет пауков.

В конце концов я перестала его пытаться, и мы шли молча. Мой гнев прошел не так внезапно, как появился. Он волнами таял во мне. А потом мне стало любопытно, кто они, эти его спорщики. Я могла догадаться, но все же кто? Я обиделась на них на всех. И все же, это такое рискованное предложение.

Я пыталась забыть, отвлечься на что-то иное, но мысли возвращались к сказанному «уговорить раздеться до гола...».

Однажды в пионерском лагере, когда мне было уже тринадцать лет, я случайно была свидетелем разговора парней из нашего отряда. В этот день, пятницу, у нас помывочный или, как его называли еще, «банный день», парни решили подсмотреть за нами через щель в потолке. Сама душевая располагалась в отдельно стоящем бараке, там был чердак. И когда мы шли в душ, я все всматривалась в чердачное окошко в надежде увидеть их. Тогда бы я не стала мыться. Девчонки визжали и плескались. Я отошла в угол и начала рассматривать в потолок. Он был обшит фанерой, кое-где она потрескалась и в них просвечивали доски. Могли они что-то увидеть сквозь них? Я не знаю. Постепенно девчонки уходили из душевой, и вот я осталась одна. Сидела раздетая на лавке и боялась пошевелиться. Вслушивалась, вдруг скрипнет потолок, но ничего подобного не происходило. Наверное, поэтому мне было так страшно. А после я встала, подошла к душу, намочила голову, и страх сам собой улетучился. Я была одна. Села на скамейку в самом центре душевой, а после легла спиной на нее и посмотрела на потолок. Там ли они? И есть ли кто там? А если есть, ну что же, пусть получают свое. Я вытянула ноги по струнке, положила ладони под голову и закрыла глаза. Слышала, как капает вода. Сперва был стыд. Мне казалось, что на меня пристально смотрят, разглядывают каждую складку на теле. Я боялась открыть

глаза, а после почувствовала жжение в животе. Это произошло так быстро, что, открыв глаза, какое-то время не могла понять, что случилось. А потом живот, он так сильно втянулся, что стало трудно дышать. Я бросилась в раздевалку, схватила полотенце и упала на пол. Жжение из живота опустилось вниз. В паху все закипело. Непроизвольно пальцы сжали редкие волосики на лобке. Я лихорадочно начала гладить себя в ложбинке. Чувствовала нестерпимый зуд, он где-то совсем рядом. До боли в сухожилиях я раздвинула ноги в стороны. Мои пальцы теребили губки, а потом... На что это было похоже? Можно ли вообще это описать. Как будто в одной точке собралась этот невыносимый, до истерики зуд. Пальцы все сильнее и сильнее терли маленький пяточек. Чувствовала боль, но не могла остановиться, а потом... Что-то вроде взрыва и вакуумная тишина.

Я сидела в раздевалке на голом полу, полотенце валялось рядом. Поднесла руки к лицу. Пальцы были мокрыми, они тряслись. Испытала что-то новое. Его можно назвать одним словом – «блаженство». Откинув голову назад, я закрыла глаза.

И почему мне вспомнился тот момент? Ах, да! Взгляд. Вот что мне не давало покоя. Вовка не смотрел на меня, он все время отворачивался, опускал глаза. Но стоило мне идти впереди него, как я начинала ощущать его взгляд на себе. Можно ли это ощущение с чем-то сравнить? Да, наверное. Самое подходящее сравнение – это солнечный зайчик, что

пускают с помощью зеркальца. Вы можете закрыть глаза, завязать их, если так будет удобнее, и встать в тень, и кто-нибудь пусть на вас направит солнечного зайчика. И вы сразу почувствуете его тепло. Вы будете мысленно следить за его движением, как он скользит по руке, касается спины... О черт! Вовка смотрит на мою попу. Я резко поворачиваюсь к нему, и он сразу опускает глаза. «Вот наглец», – думаю я и ускоряю шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.